

КНУТ И ПРЯНИК

(окончание, начало в № 3-4, 2012)

Николаева Елена Ивановна

доктор биологических наук, профессор кафедры психологии
и психофизиологии ребёнка Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена

Практика поощрения и наказания в действии

Задача родителей — воспитать ребёнка таким образом, чтобы он соответствовал требованиям общества, в котором живёт семья. Традиционно для прививания тех или иных социально приемлемых, но ограничивающих свободу личности навыков, используются система кнута и пряника — поощрение и наказание.

Появившееся большое число книг на прилавках с броскими названиями, в которых декларируется воспитание без наказания, при ближайшем рассмотрении всё же предлагают наказание, под которым понимаются исключительно методы насилия или унижения. Между тем, как мы уже знаем, наказание — это любая ситуация, дающая обратную связь ребёнку и препятствующая повторению социально неприемлемой формы поведения.

Традиционно в нашей стране эти воспитательные воздействия происходили за закрытыми дверями и становились достоянием общности лишь в тот момент, когда происходил криминальный инцидент. Считалось, что это прерогатива семьи — выбирать тот или иной метод воздействия.

Подписание Декларации о правах ребёнка выводит эту проблему на другой уровень. И требует конкретных знаний о том, что же происходит за закрытой дверью, когда родитель пытается довести до сознания ребёнка те или иные требования общества.

Мы провели обширное исследование в разных регионах страны, опрашивая дошкольников и школьников разных классов, а также их родителей. Вот результаты этого исследования.

Система наказания в современной семье

Реальное наказание меняется с возрастом (чем ребёнок младше, тем больше вероятности, что его шлёпают) и зависит от уровня образования матери: чем оно выше, тем менее вероятно физическое наказание. Дошкольников наказывают чаще, чем школьников (по данным и детей, и родителей).

Но не все дети знают, что то, что делают с ними родители, называется наказанием. Часть детей искренне утверждает, что их не наказывают. И лишь на уточняющем вопросе: «А что делает мама, если ты делаешь что-то не так?» — они проясняют ситуацию.

Например, вопрос ребёнку 5 лет:

- Сережа, тебя наказывают?
- Нет, только когда-то 2 раза.
- А за что тебя когда-то два раза наказали?

— Да говорили: «Не лезь в лужу, не лезь близко к телевизору», в угол ставят потом. И дедушку тоже.

Родители часто полагают, что не наказывают детей, хотя их дети описывают действия по отношению к ним, вполне подпадающие под разряд наказания. Например, мама девочки утверждает, что не наказывает её, а дочь рассказывает, что за баловство её ругают и лишают просмотра телевизора в течение 10 дней.

Поскольку родители не обозначают словами свои действия, ошибаются и дети:

- Маша, тебя наказывают?
- Нет.
- Никогда?
- Только когда я не слушаюсь.
- А как тебя наказывают?
- Мама говорит: «Иди в угол», —

а я прячусь.

Чем меньше ребёнок, тем более вероятно, что он не принимает наказание. Например, четырёхлетний ребёнок считает так:

- Толя, тебя наказывают?
- Нет.
- Никогда?
- Никогда.
- А если ты балуешься или не слушаешься?

— Папа бьёт сильно ремнем, и я их руками бью.

Чем старше ребёнок, тем в большей мере он принимает правила общества и считает, что детей надо наказывать, при этом полагает, что это нужно делать так, как делают его родители. У родителей отмечается обратная стратегия: чем меньше ребёнок, тем в большей мере они считают, что наказания полезны. Чем старше ребёнок, тем, с точки зрения родителей, наказания играют меньшую роль в воспитании.

Чем младше ребёнок, тем более вероятно, что его наказывают за непослушание. Родители описы-

вают это так: «За то, что не прислушивается к советам взрослых и не выполняет их; за то, что не делает то, что я ему говорю». Таким образом, проявление самостоятельности и свободы выбора деятельности ребёнком является наиболее часто наказываемым в дошкольном возрасте.

Чем старше дети, тем чаще родители наказывают проявления характера и личностных особенностей. Девятиклассники в большей мере наказываются за учёбу, что понятно, поскольку девятый класс — выпускной для неполной средней школы.

Фантастичным является то, что до сих пор постоянная статья наказания дошкольников — «за то, что не ел». Война давно закончилась, по каждому каналу телевидения ежедневно показывают программы о том, как похудеть, эта тема не сходит со страниц глянцевого журналов, но родители продолжают наказывать детей за то, что они не хотят есть в тех количествах, которые удовлетворяют взрослых. При этом большинству из них не приходит в голову, что если ребёнок не хочет есть, то он не голоден. Дети не хотят есть в положенное время, потому что не гуляли перед тем, или «кусочничали», подбегая к холодильнику или к столу на кухне. Но стоит прекратить эту практику, и у любого ребёнка возникает аппетит.

Известно, что жировые клетки, возникшие в детстве, практически не исчезают. Это нервные погибают легко, а жировая только «худеет» и ждёт своего часа, когда человек расслабится и потеряет контроль над потреблением еды.

Сейчас считается неверным накладывать большие порции и заставлять ребёнка съесть всё. В этом случае он постоянно будет перегружать себя пищей, утратив способность соотносить свои возможности с необходимостью утолить голод. Это похоже на ситуацию, когда на праздничный стол готовят несколько дней, а потом заставляют всех переесть, чтобы пища не пропадала. Усердие взрослых по кормлению ребёнка в детстве приведёт к тому, что, будучи взрослым, ему придётся бороться с избытком веса. У каждого человека есть центр, сигнализирующий о насыщении. Но переедание в детстве отключает его навсегда. Как точно сказал А. С. Макаренко: достаточно наладить структуру питания в семье, и ребёнок будет есть столько сколько нужно организму.

Чем старше ребёнок, тем более вероятно, что его будут наказывать за невыполнение обязанностей. Это наиболее частое наказание у подростков 9–13 лет. Если у них есть братья и сёстры, то можно ещё получить наказание за ссору с ними.

Физически наказывают половину дошкольников и около 15% школьников. При этом дошкольники более откровенно говорят о физическом наказании, чем их родители. Школьники, напротив, пытаются скрыть факты физического наказания, в отличие от их родителей. Это свидетельствует о наличии механизмов психологической защиты и у тех, и у других. Дошкольники ещё не знакомы с мнением общества относительно физического наказания и откровенно говорят о нём, в отличие от родителей, которые пытаются смягчить то, что они делают, хотя бы на словах. У школьников уже формируется самоуважение, и в него тяжёлым грузом ложится представление о себе как о человеке, на которого могут поднять руку родители. Они пытаются убрать эти воспоминания, хотя бы из речи.

Ограничивают в активности 53,3% дошкольников и 33,3% школьников. Часть детей наказывают ещё и за оказание сопротивления при наказании («прячусь, отбиваюсь руками»). Чем старше ребёнок, тем больше вероятности, что его лишат чего-то (телевизора, компьютера, сладостей) или заставят делать нечто (убрать в комнате, вскопать землю). Нужно чётко понимать, что если уборка становится наказанием, то она потом не делается добровольно, как часть деятель-

ности, связанной с самоуважением. Она навсегда связывается с наказанием. Это касается любого действия, выполнением которого наказывают.

Больше половины всех детей говорят, что на них кричат, но не более 10% при любых опросах свидетельствуют, что с ними беседуют. Это подтверждают и родители.

Часть родителей говорят о невнимании: «Лишаю ребёнка своего внимания, пока сама не поймёт, молчу, не разговариваю, не отвечаю на вопросы». Вот последовательность действий некоторых родителей: «Сначала пробую уговорами, если не помогает, ставлю в угол». «Отказываю в мороженом, не пускаю гулять к мальчикам, ставлю в угол и заставляю учить стихи». «Ругаю, читаю мораль, иногда наказываю ремнем».

Очевидно, что когда учить стихи становится наказанием, невозможно требовать от ребёнка любви к поэзии.

Сопоставление системы наказания, применяемой родителями в отношении детей с той, которую применяли в отношении них самих в детстве, свидетельствует о большом сходстве этого вида поведения. Сколько детей в детстве давали себе клятву или зарок, что никогда не будут поступать со своими детьми так же, как их родители. Но, начав воспитывать своих де-

тей, в какой-то момент они ловят себя на произнесении именно тех слов, которые так ненавидели сами, и на действиях, которые осуждали ранее. Оказывается, в эмоциональном состоянии наши поступки становятся автоматизированными и воспроизводят те стереотипы, которые нам известны.

Ребёнок принимает от взрослых безоговорочно всё, что они делают, и приписывает этому эталонное значение. Например, девочка в 5 лет так отвечает психологу:

— Тая, а тебя чаще хвалят или наказывают?

— Наказывают.

— Как ты думаешь, надо наказывать детей?

— Надо по попе бить.

В нашем исследовании обнаружилось большее желание детей сотрудничать с психологом по сравнению с родителями. Практически половина родителей детей младших классов отказалась отвечать на вопрос о наличии наказания, тогда как родители старшекласников с большим энтузиазмом отвечали на этот вопрос. Это легко понять, если вспомнить, что родители старших детей уже имеют больший опыт и реже используют физическое наказание. Однако для них крайне важно найти ошибки в своём поведении, чтобы построить отношения с детьми.

Принимая поведение родителей, дети не понимают его. Точно так же, как не понимают поведение своих детей многие родители, поскольку не соотносят собственные действия с результатом и полагают, что дети виноваты в том, что ничего не меняется во взаимодействии в семье. Одно из проявлений непонимания между детьми и родителями: дети полагают, что их наказывают за учёбу, тогда как родители в большей мере делают акцент на поведении детей, их обязанностях, чертах характера. Спектр причин наказания существенно шире у родителей, чем в представлении детей. Тот факт, что дети неверно приписывают причины наказания, говорит о том, что нарушено общение между детьми и родителями, а значит наказание не выполняет своей роли коррекции поведения, так как дети полагают, что родители пытаются изменить иной пласт их активности.

В наших многочисленных исследованиях, в которых принимало участие не менее 500 родителей и столько же детей, лишь единицы сообщали, что они разговаривают с детьми в момент наказания, тогда как многие отказывались отвечать на вопросы о наказании (одновременно не отказываясь от опроса). При этом никто не ограничивал родителей в их ответах. Но не было и выбора ответов, поскольку зада-

ча состояла в том, чтобы родитель не выбирал из возможных вариантов правильный, а писал тот, что первым всплывает в голове. Это можно объяснить тем, что в действительности, как выяснилось позже, имели место наказания не только традиционные, но и весьма экзотические (о них упоминали некоторые дети). Например, наказание бамбуковыми палками, стояние в углу на одной ноге и т. д. Родители старших подростков не используют физическое наказание, поэтому их ответы были более полными.

Чем старше ребёнок, тем больше действие родителей вызывает раздражение и агрессию. И тем с большей вероятностью его родители будут испытывать чувство сожаления и вины, что они не могут справиться с ситуацией. Это обоюдное неконструктивные переживания, свидетельствующие о неэффективности системы наказания.

Анализ системы поощрения в семье

До 25% детей (в зависимости от места проведения исследования) в ответ на вопрос: «Хвалят ли тебя?», — молчали или отрицательно качали головой. Только родители школьников в один голос отвечают, что хвалят, тогда как родители дошкольников весьма часто подчёр-

кивают, что делают это «иногда». При попытке разговорить ребёнка и уточнить, какими бывают действия родителей, когда ребёнок добился успеха или сделал что-то хорошее дома, он, чаще всего, не упоминал, что его хвалили.

Родители дошкольников и дошкольники причиной поощрения называли, преимущественно «хорошее поведение» (убрал в комнате, помыл посуду и т. д.). Важно отметить, что у дошкольников существует похвала за то, что «хорошо ел». И школьники, и их родители в один голос утверждали, что в основном поощрения происходят по поводу учёбы. При этом многие школьники не упоминали поощрение за уборку, отмечая, что уборка — это обязанность и за неё не хвалят.

Все дети примерно одинаково упоминали похвалу за творческие достижения (20% случаев). Родители упоминали этот вид поощрения в два раза чаще, чем дети.

Есть расхождение в представлениях о том, как происходит поощрение. Все родители в два раза чаще, чем их дети утверждают, что поощряют материально. Зато словесную похвалу и дети, и родители оценивают одинаково. Но ласку чаще замечают дети, чем их родители. И только родители упоминают в качестве поощрения поход в театр или музей. Для детей это не является поощре-

нием. Но они крайне трепетно относятся к материальному поощрению, поэтому занижают его частоту.

Чаще всего все родители пользуются разными методами одновременно.

Но есть и особенности, которые вызывают настороженность. Заканчивая предложение: «Когда мой ребёнок хорошо ведёт себя, я делаю...», — родители дошкольников в 6,7%, а родители школьников в 36,7% продолжили: «Делаю свои дела». Следовательно, положительные поступки 7% малышей и практически 40% школьников остаются неподкреплёнными, а значит, исчезают из их набора действий. Подчеркнули, что в этот момент поощряют детей 73% родителей дошкольников и 53% родителей школьников.

Мы помним, что однотипная похвала вызывает быстрое привыкание. Поэтому если ребёнку каждый день говорить, что мы его любим, то слова любви будут сродни приветствию утром или прощанию на ночь. Они утратят свой нежный смысл. При этом разнообразные слова поддержки будут иметь большое значение для ребёнка.

Говоря о собственном детстве, около 40% родителей не могут вспомнить, как их поощряли. Единичны упоминают ласку, а остальные приблизительно равным образом го-

ворят о тёплых словах и материальном вознаграждении.

Родители младших школьников в половине случаев отказываются отвечать и на вопрос о поощрении. Закономерным становится то, что чем старше дети, тем чаще они говорят об отсутствии поощрения, что согласуется с представлением и их родителей. Это свидетельствует о какой-то особой позиции родителей, которая озвучивается и детям.

Удивительно, но родители иногда считают, что поощряют просто так, хотя дети никогда не отмечают этот факт. Следовательно, он не оставляет след в сознании. Для родителей же ситуация простого дарения весьма значима. Анализ того, что происходит в процессе поощрения, демонстрирует существенное различие представлений на этот процесс детей и родителей. Все дети сходятся на том, что есть два основных способа поощрения — с помощью слов и подарков. Только маленькие дети чаще упоминают подарки, а старшие — слова. Родители же, напротив, всё больше подчёркивают роль материального поощрения. Можно предположить, что это связано с насущной потребностью подростков иметь собственные деньги, поэтому те средства, которые выделяются родителями, кажутся им недостаточными.

Для младших детей важным моментом является разрешение прогулки на улице, которое даже не отмечается родителями. В то же время посещение музея не рассматривается как поощрение детьми, хотя, по всей видимости, было важно для взрослых.

Весьма часто родители не отвечают и на вопросы о поощрении. Это доказывает, что отсутствие ответа — сам по себе ответ.

Чувства детей и родителей при наказании и поощрении

Каждый пятый родитель не мог назвать свои чувства при наказании. Это сделала только половина дошкольников и большая часть школьников. Очевидно, что если родители не называют свои чувства, детям неоткуда учиться этому.

Называние чувства — составная часть эмоционального интеллекта, который необходим для умелого поведения в эмоциональной ситуации. Называя свои чувства, родитель обучает этому ребёнка. Это позволяет малышу в нужный момент обозначить то, что с ним происходит, а взрослому — прийти на помощь, когда переживания слишком тяжелы.

При наказании единицы из родителей называли в качестве основного переживания любовь. Зато большая часть родителей дошколь-

ников называла жалость, а родителей школьников — раздражение. Около 20% родителей дошкольников ощущали беспомощность и вину; обиду, стыд и разочарование переживало 40% родителей школьников. Известно, что обида — детское чувство, которое не способствует разрешению ситуации. Если вспомнить, что именно родители формируют у детей все их недостатки, то нет смысла обижаться на детей. В этот момент необходимо думать о том, как научить ребёнка идти навстречу взрослому и договариваться.

Но и вина не является чувством, способствующим разрешению конфликтной ситуации. Виноватый родитель — очень удобный объект для ребёнка, поскольку, стремясь снять это чувство, родитель постарается сделать что-то приятное ребёнку. Дети очень быстро научаются вызывать у родителей чувство вины, а в дальнейшем манипулировать им, чтобы получить максимальную выгоду.

Соответственно дети чаще говорят и об обиде, причём школьники в два раза чаще (около 40%), чем дошкольники. Только единицы из малышей сообщают, что они понимают, что сделали плохо, тогда как другие говорят о вине, стыде и злости.

Всё это свидетельствует о том, что, наказывая ребёнка, родители не отделяют его личность от его поступка. Именно поэтому дети ис-

пытывают чувство «плохости» себя как человека, что не способствует личностному росту, поскольку эту плохость нельзя изменить. Наиболее адекватным является наказание, при котором родитель сначала говорит ребёнку о своих чувствах к нему, о том, что он любит ребёнка и ценит его, но наказывает лишь его поступок, который сегодня плох, но родитель уверен, что ребёнок будет вести себя по-другому.

Вот один из образцов беседы с ребёнком пяти лет:

— Алеша, тебя хвалят?

— Нет.

— А мама или папа тебе говорят, что ты хороший, что ты молодец?

— Нет.

— А тебя чаще хвалят или наказывают?

— Наказывают.

— А у тебя хороший или плохой характер?

— Плохой.

Как жить дальше, если ты знаешь, что у тебя плохой характер?

А вот, как отвечает Алешина мама.

— Поощряете ли Вы своего ребёнка? — Да.

— За что обычно поощряете? Нет ответа.

— Кто обычно поощряет? Нет ответа.

— Каким образом поощряете? — По-разному.

— Что Вы чувствуете, когда поощряете? Нет ответа.

— Как Вы думаете, что чувствует ребёнок, когда его поощряют? — Радость.

— Что Вы чаще делаете, наказываете или поощряете ребёнка? — Наказываю.

— Как Вы считаете, каких качеств у Вашего ребёнка больше — положительных или отрицательных? — Трудно сказать.

Отвечая на вопросы о поощрении, мама предпочитает пропустить часть утверждений или не отвечать конкретно, что свидетельствует о том, что ни чувства, ни действия в этот момент не всплывают в памяти автоматически.

Описание переживаний в момент наказания напрямую зависит от возраста. Чем меньше ребёнок, тем в большей мере он испытывает страх. Характерны высказывания детей: «Я чувствую, что у меня болит живот», «Я чувствую, что мне надо думать над своим поведением» или «Я — плохой ребёнок». В любом случае всё это свидетельствует о том, что ребёнок не равнодушен к ситуации. Более того, у части дошкольников и детей младших классов при ответах на вопросы о том, что происходит не здесь и не сейчас, дрожали руки и губы.

С возрастом появляются социальные чувства (вина) или раздраже-

ние и агрессия. Родители подростков, напротив, с большей вероятностью будут испытывать сожаление и вину, дополнительно рассказывая психологу, что ощущают себя в этот момент некомпетентными родителями.

Что думают о чувствах друг друга родители и дети

При описании чувств другого в наибольшей степени обнаруживается взаимное непонимание. Малыши, которые, в основном, боятся этой ситуации, приписывают родителям агрессию (а мы помним, что родители испытывают чаще жалость). Их родители видят в детях обиду, сожаление, непонимание (а не страх). Примечательно, что часть родителей, ранее не отвечавших на вопросы, в этом пункте захотели ответить, что говорит о болезненности ситуации и осознании взаимного непонимания. Взрослые дети, ответившие на вопрос, приписывают родителям, преимущественно деструктивные чувства — разрядку, обиду, злобу, хотя те сообщали о неспособности справиться с ситуацией. В ответ родители девятиклассников видят в детях обиду, раскаяние, сожаление, вину. Но дети не переживают этих чувств, хотя, возможно, искусно их имитируют, чтобы быстрее прекратить тяжёлую конфликтную ситуацию.

Весьма часто именно при ответе на эти вопросы и родители, и дети либо не отвечали совсем, либо писали: «Не знаю». Анализ этих вариантов представляется наиболее важным. За пунктами «нет ответа» и «не знаю», с нашей точки зрения, скрываются разные позиции. В варианте «нет ответа» — недоверие к экспериментатору, его компетентности и необходимости передавать ему столь деликатную информацию. В ответе «не знаю» — больше недоверия к себе. Человек знает, поскольку невозможно не видеть очевидной эмоциональной реакции в другом или не чувствовать её в себе, но ему больно её назвать.

Подтверждением этого размышления будет диалог с одной девочкой. На вопрос: «Что чувствует мама, когда тебя наказывает?», она широко распахнула глаза, наклонилась к экспериментатору и сказала тихо: «Об этом нельзя думать, это очень страшно». Увидеть в близком человеке — ребёнке или родителе — ненависть или злобу и назвать это чувство могут не все. Ответ «не знаю» позволяет уйти от осознания этого деструктивного положения. Недаром именно при обсуждении совместных чувств увеличилось число таких ответов.

Чем старше дети, тем меньше они уверены в том, что их родители радуются в момент поощрения

и всё чаще сами уходят от ответа, предпочитая скрывать свои чувства за ответами «не знаю», «не помню», и «ничего». Это гармонирует с отсутствием ответов у родителей, или с их сожалением по поводу того, что они зря поощряют детей. Впервые девятиклассники и их родители полностью расходятся в описании ситуации: родителей переполняет радость, когда они поощряют детей, а дети предпочитают спрятать свои чувства, возможно, прежде всего, от себя.

Если родители оптимистично полагают, что дети рады и благодарны им, то дети дипломатично уходят от ответа. Возможно, подобные чувства рождены разочарованием, которое чувствуется в родителях, полагающих, что неблагодарным детям «всего мало». По-видимому, нерешённые эмоциональные проблемы в процессе наказания не позволяют детям доверять родителям при поощрении. Итак, перед нами непонимание, к которому готовы обе стороны. Непонимание повторяется раз за разом, закрепляя поведение взаимного недоверия. Анализируя результаты, полученные при наказании, можно высветить бихевиористскую последовательность: определённое поведение-наказание. Однако спектр чувств свидетельствует о том, что ситуация более сложная.

Когда мы задавали вопрос о чувствах родителей, большинство дошкольников прежде, чем ответить, удивлённо смотрели на экспериментатора и спрашивали: «Разве я могу это знать?» Непроизвольность, с которой воспроизводился один и тот же ответ, свидетельствует о более сложной ситуации с описанием эмоций, которая существует до сих пор. Согласно теории Пиаже, примерно до 5 лет вследствие детского эгоцентризма ребёнок приписывает собственные эмоции другому. Но в ситуации наказания более 50% дошкольников отвечали, что не знают ничего о чувствах другого.

Остальные ответы так же предполагали возможность детей описывать эмоцию взрослого отдельно от собственной. Например, в нашей ранней работе по дошкольникам, дети утверждали, что родители чувствуют, что они правы, что они не любят своих детей, ничего не чувствуют, чувствуют строгость или стыд. В любом случае около половины детей отделяло свои чувства от чувств родителей в эмоциональной ситуации. Молчание другой половины дошкольников можно также объяснить не тем, что они не знали о том, что переживают их родители, а тем, что они точно знали, что те испытывают, но боялись это назвать.

Справедливость этого объяснения можно подтвердить ответа-

ми детей в ситуации поощрения. Во-первых, меньшее число детей отказывается от ответа (хотя эта разница и не достоверна). Во-вторых, они приписывают себе и родителям часто разные оттенки положительных чувств, например, себе — радость, а родителю — гордость.

Младшие школьники примерно в 30% случаев не отвечали на вопрос о чувствах родителей при наказании. Но в остальном их ответы были взаимно дополнительными: для себя они говорили о страхе, для родителей — о злости.

Всё это можно объяснить следующим образом. Родители дошкольников и младших школьников при наказании обучают своих детей не отказываться от определённого типа поведения, а перестать слышать и видеть переживания другого. Данные свидетельствуют о том, что родители неверно описывают чувства детей. Следовательно, когда они кричат или бьют своих детей, то они обучают их, когда плохо или тяжело, закрывать глаза на чувства другого и снимать напряжение за счёт него.

Родители старших школьников не могут это делать, так как их дети слишком много видят и понимают. Именно поэтому эти родители в большей мере идут на разговор: они нуждаются в договорённости, а не в её разрыве. Но их дети чувству-

ют прямую связь поощрения и наказания: они воспринимают поощрение как компенсацию за наказание, поэтому отказываются или дистанцируются от него.

В раннем детстве и родители, и ребёнок предожидают понимание при общении, поэтому оно приносит взаимную радость. Мать предполагает, что ребёнок готов следовать её желаниям, а ребёнок ожидает, что она разрешит все его проблемы. Это идеальная ситуация, в которой каждая сторона готова отвечать на потребности другой. Однако процесс формирования личности предполагает конфронтацию со средой и, прежде всего, с ближайшим окружением, то есть семьёй. Это влечёт за собой изменение эмоциональных отношений с родителями, которые определяются эмоциональными особенностями той микросреды, где ребёнок растёт, а также тем, как общество, в которое погружена эта микросреда, определяет личную свободу (позволяет её или ограничивает), какие методы оно предлагает для формирования соответствия личности общественным требованиям. Поощрение и наказание отражают этот процесс формирования соответствия личности ребёнка общественным требованиям, которые в данном случае опосредуются системой представления родителей о том, каковы эти требования.

Поэтапное формирование психических возможностей ребёнка, освоение новых форм деятельности и языка меняет и соотношение между психологическими функциями. Если малыш структурировал свои представления о мире так, как воспринимал этот мир и запоминал, то позднее, по мере освоения опыта человечества, зафиксированного в языковых связях и конструкциях, он начинает воспринимать своё окружение и запоминать его так, как он его мыслит.

Это предполагает возможность изучения эмоциональных ситуаций, возникающих в процессе поощрения и наказания, через представления детей и родителей, через их осмысление этой ситуации. Безусловно, этот процесс осмысления искажает реальность. Известно, что негативные события лучше сохраняются в памяти и эффективность их воспроизведения не зависит от метода воспроизведения. Положительные события, напротив, быстрее забываются, и эффективность их запоминания напрямую зависит от метода получения информации. Отрицательно окрашенные события воспринимаются как более интенсивные.

Возможно, именно поэтому дети, согласно полученным данным, так не удовлетворены системой поощрения: субъективный вес нега-

тивных эмоций перекрывает вес позитивных. Неоднозначное влияние поощрения на ребёнка описано неоднократно. Однако результаты свидетельствуют о том, что родители компенсируют эту субъективную неудовлетворённость системой поощрения таким образом, что дети напрямую связывают её с негативными переживаниями при наказании, а потому предпочитают не называть, а возможно, и не осмыслять ни свои чувства при поощрении, ни чувства родителей.

В то же время последние исследования позволяют доверять ответам подростков о том, что происходит в эмоциональных ситуациях в семье. Показано, что собственный, даже негативный, опыт (факты физического наказания) дети помнят достаточно хорошо, а случаи забывания можно объяснить механизмами, применимыми к другим менее эмоциональным событиям (о них стараются не вспоминать, они интерферируют с другими событиями и т. д.).

Наиболее значимым результатом данного исследования является факт взаимного непонимания между родителями и детьми, который интуитивно конструируется родителями (поскольку его последствия не осмысляются взрослыми, и они не стремятся обсуждать это с детьми так, чтобы это сохранилось в памяти и тех, и других). Каж-

дая сторона описывает переживаемые эмоции другой стороной и при поощрении, и при наказании не так, как это ощущается вторым участником события.

Мы анализировали не реальную систему наказания, а лишь то, как это описывают для себя дети и родители. Оказалось, что в представлении детей их поощрение напрямую связано с тем, как их наказывают. В описании родителей поощрение и наказание неразрывны в их ментальном представлении.

Если младшие дети боятся описывать чувства родителей в процессе наказания, то подростки отказываются назвать чувства при поощрении. Они воспринимают наказание как оскорбление. Известно, что вероятность оскорблений детей (исключая социальные факторы, которые здесь не рассматриваются) связаны с эмоциональным состоянием родителей и стрессом, в том числе ощущением родительской некомпетентности. Агрессивными могут быть люди как с высокой, так и с низкой самооценкой, поскольку часто незащищённость не осознаётся.

Полученные данные согласуются не с тем, что ситуации поощрения и наказания отражают обучение детей соответствию определённым социальным нормам, а с фактом, что родители обучают детей в какой-то момент не понимать состояние дру-

гого человека. Родители дошкольников и младших школьников перестают слышать и видеть то, что чувствует ребёнок при наказании. Дети обучаются как осознанно, так и неосознанно, причём обучение особенно эффективно в тех случаях, когда его проводит родитель, да ещё в условиях повышенной эмоциональности. И если дошкольники и младшие школьники ещё открыто говорят о переживаемых эмоциях, то подростки закрываются, особенно в момент описания положительной ситуации. Дети чувствуют поощрение как компенсацию за наказание, поэтому и отказываются или дистанцируются от неё. Вытеснение переживаний имеет высокую значимость для сохранения личности, особенно в период её формирования.

Родители старших школьников в меньшей мере демонстрируют непонимание, так как подростки, уже обученные этому, могут рационализировать происходящие события, весьма скептически описывая поведение родителей. Именно поэтому их родители меньше могут использовать методы манипуляции.

Мы рассматривали обычную благополучную семью, в которой родители интересуются своим ребёнком и участвуют в исследовании, чтобы помочь себе и ему. И обнаружили метод формирова-

Воспитание в дошкольном учреждении

ния непонимания, к которому готовы обе стороны. Поощрение и наказание в данном контексте не выполняют свою функцию обучения ребёнка соответствию нормам общежития. Поощрение происходит для того, чтобы загладить неприятные ощущения от ситуации, в которой возникает наказание. В момент наказания происходит обучение тому, чтобы в определённый момент ребёнок перестал понимать эмоции друго-

го. Это вследствие многократного повторения эффективно и закрепляется в детях.

Факт распространённости этого поведения характеризует не столько семью, сколько общество, которое требует от своих граждан непонимания чувств другого, умения им манипулировать, снимать за его счёт собственное напряжение вместо осознанного понимания того, как согласуются личные права и общественное благо.

